

Модернизация – это работа государства

В XXI веке России необходимо вновь переобустроить

Об этом, как известно, заявил Президент России Дмитрий Медведев в последнем Послании Федеральному Собранию РФ, ряде других основополагающих государственных документов. Как это сделать? Ответ на вопрос ищут лучшие экономисты и политологи.

«Модернизация – ключевой путь экономического развития» – так была обозначена тема XV Международного конгресса по региональному развитию, который проводится с 1996 года Международным союзом экономистов при поддержке и участии Правительства и Государственной Думы РФ, Правительства Москвы, а также Российской академии наук. Нынешний Конгресс состоялся в Швейцарии и был посвящен России. О том, что было в центре внимания участников форума, в эксклюзивном интервью «СВ» рассказывает вице-президент и генеральный директор Международного союза экономистов, первый вице-президент Вольного экономического общества России профессор Виктор КРАСИЛЬНИКОВ.

– Виктор Наумович, на Конгрессе было много интересных выступлений, но, насколько мне известно, самым ярким и запоминающимся стал доклад директора Института Европы РАН академика Николая Петровича Шмелева...

– Да, он назывался «Императивы государственного участия в модернизации российской экономики» и задал тон всем обсуждениям и дискуссиям. Прежде всего академик Шмелев абсолютно точно, на мой взгляд, определил саму суть государственного участия в экономике. Сегодня стало уже фактически бессмысленным традиционное противопоставление, заметил он: капитализм или социализм, дирижизм или либерализм, плановая экономика или рыночная. В любой экономически жизнеспособной и прогрессирующей стране непременно имеет место и то, и другое. В реальности, скажем, вряд ли кто может с уверенностью сказать, где сегодня социализма больше – в США, России или Китае. В современной экономике невозможно оторвать стратегическую и цементную роль государственного участия от свободного частного предпринимательства как основы экономической жизни любого здорового общества. И без элементов планирования (прямого и косвенного) сегодня не живет ни одна успешная рыночная экономика, хотя идеологи либерализма все еще нередко нарочито продолжают закрывать на это глаза.

Точно так же не имеют под собой реальной, практической пользы утверждения: «нужно больше государства» или, наоборот, «нужно меньше государства». Все это предвзятость, чистая идеология. Государства нужно не больше, не меньше, а «столько, сколько нужно», исходя, естественно, из задач, стоящих в данный момент перед обществом. На каком-то этапе без прямого государственного воздействия не обойтись хотя бы по той простой причине, что нет другой общественной силы, которая могла бы взять на себя решение самых насущных задач страны. На другом этапе роль государства может быть ослаблена, поскольку появились в обществе иные силы, которые, не попускаемые извне и полагаясь только на свои интересы, могут уже сами по себе стать основным мотором общественного развития. И вновь, особенно в кризисные моменты, в обществе может резко возрасти потребность в государстве...

Самая большая беда – господство монополий

– Но сегодня к государству предъявляются особые требования – и именно из-за необходимости радикальной модернизации российской экономики. Быть может, я несколько заостряю проблему, но без модернизации нашего экономического хозяйства нам вряд ли вообще в будущем возможно сохранить свои позиции среди развитых стран. Нефть, газ, на которых мы «сидим», – да, это надежно, но, без сомнения, проходящее. И вроде бы это понятно всем властным инстанциям, без устали призывающим к этой самой модернизации. Что же мешает «делать дело»?

– Николай Шмелев считает, что самая большая тема российской экономики – господство монополий. В экономике России создается уникальное положение: при средней годовой норме рентабельности в мире порядка 9% российские монополии в ведущих отраслях производства и сферы услуг систематически получают прибыль на уровне 100-300-500% и более годовых. Ни одна уважающая себя частная российская компания или корпорация, что назы-

вается, «не нагнется», если инвестиции в новое дело не сулят ей в перспективе, как минимум, 100% годовых прибыли. Этот запредельный уровень рентабельности характерен прежде всего для таких высокомонополизированных отраслей, как нефтегазовая промышленность, черная и цветная металлургия, некоторые другие сырьевые производства, все жилищное и значительная часть гражданского строительства, фармацевтика, спиртовой оборот, торговля...

Почему так сложилось? Во-первых, следует сказать, что российский крупный бизнес был с самого начала глубоко развращен фактически бесплатной приватизацией и знаменитыми «злоговыми аукционами», а также многократной искусственной разницей между внутренними и внешними (экспортными) ценами на одну и ту же продукцию. Во-вторых, политическое и экономическое (а зачастую просто коррупционное) давление монополий позволяло и позволяет им при любой действующей налоговой шкале присваивать порядка 60% и более природной ренты на энергосырьевые ресурсы (для сравнения: в Саудовской Аравии и Норвегии – 10-20%). В-третьих, становится все более очевидным, что традиционная монополистическая практика поддержания соответствующего уровня цен (попросту говоря – сговор) есть повседневная реальность российской жизни и поломать эту практику может лишь сильное государство. Нечто похожее наблюдалось в США в начале XX века, когда принятие закона Шермана позволило, причем на десятилетия вперед, как-то обуздать аппетиты американских монополий.

Господство монополий и монопольная прибыль деформируют всю производственную и социальную структуру страны. Монопольная прибыль лишает компании монополистов всяких стимулов к модернизации, к инновационной деятельности и научно-техническому прогрессу. Зачем вкладываться в новые технические решения и в новое, по определению рисковое производство, если текущая монопольная прибыль без всякого риска обеспечивает им невиданный нигде в мире уровень прибыльности? Именно монополизм лишает в сложившихся условиях наше рыночное хозяйство, по существу, всякого автоматизма в переливе капиталов (инвестиций) из отрасли в отрасль. Так что же, кроме государственного давления (где уговорами, а где и прямым нажимом), может заставить наш монополистический капитал на деле, а не на словах включиться в процесс модернизации российской экономики? Монополиям и так хорошо.

К тому же получаемые сверхмонопольные доходы в значительной своей части, как известно, переводятся за рубеж и в лучшем случае к российской экономике и ко всем ее проблемам имеют лишь опосредованное отношение. Тем самым они в условиях самого настоящего инвестиционного голода в России финансируют не свою, а экономику других стран. По некоторым оценкам, за последние двадцать лет на 1 доллар притока капитала извне в Россию приходилось 3, а то и 4 доллара оттока его за рубеж.

Наиболее важный вывод из всего вышесказанного состоит, видимо, в следующем: пока в экономике России не установится более или менее естественный уровень прибыльности для ведущих частных (а зачастую и государственных) предприятий, ответа на вопрос, как организовать в стране экономическую модернизацию, не будет. По-видимому, неизбежны какие-то принудительные (и не обязательно только налоговые) меры

со стороны государства по отношению к монопольным структурам. Какие, в каких масштабах и хватит ли у государства на это воли, силы и решимости – это уже другой вопрос.

Нужна «вторая индустриализация»

– Николай Петрович выдвинул вполне интригующий лозунг о том, что России нужна «вторая индустриализация». Что это такое?

– Скажу сейчас то, о чем многие предпочитают умалчивать. Если мы сегодня сосредоточимся только на новых проектах, то через 7-10 лет потеряем все, что имеем. Да, инновации жизненно важны, но нельзя больше закрывать глаза на тот факт, что за последние 20 лет, кроме Са-

ленного потенциала России. Это, конечно, не означает, что суперсовременные технологии имеют лишь второстепенное значение. Но главное все же – это дать в ходе «второй индустриализации» толчок оставшимся еще «в живых» от прошлого примерно 1/2 промышленных мощностей страны, которые без радикального обновления основных фондов протянут совсем немного.

В то же время нельзя «размазывать кашу по тарелке». Необходимо именно сегодня выстроить такую систему инвестиционных и стимулирующих приоритетов, которой до нас следовал весь промышленно развитый мир: сначала потребительский сектор (!), то есть пищевая и легкая промышленность, жилищное строительство, коммунальное хозяйство, мебель, бытовая техника,

ФОТО ВЛАДИМИРА КОРОБИЦЫНА

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

ФОТО ВЛАДИМИРА КОРОБИЦЫНА

– Модернизация – прежде всего работа государства. Думаю, высшее политическое руководство страны это понимает, а вот бюрократия к проведению модернизации России не готова.

фармацевтика, транспорт и дороги – и лишь вслед за этим все новейшие технологии, которые не навязываются промышленностью сверху, а органически вырастают из движения первоочередных потребностей общества. Эйфелева башня не может быть построена на болоте, если под нее не будет подведен достаточный основательный фундамент. И только после этого оправданным и безопасным становится монтаж ее самых верхних, самых ажурных этажей.

Кадры решают все?

– Сегодня много говорится о серьезных проблемах нашей фундаментальной и прикладной науки. Понятно, что без их решения говорить о модернизации бессмысленно.

– Разумеется. Науку и образование можно и нужно назвать главным источником модернизации.

Ныне фундаментальная наука живет в стране главным образом за счет того, что было сделано или заложено еще в советские времена, и, по ряду оценок, достижение ею вновь мирового уровня вряд ли возможно раньше, чем через 2-3 поколения. В еще худшем положении находится прикладная наука, на которую в советские времена приходилось до 2/3 научного потенциала страны.

Выход здесь один – резкий рост финансирования и фундаментальной, и прикладной науки из государственного бюджета, поскольку в сложившихся условиях он является на деле единственным реальным источником поддержания науки. До

возможно понести только при условии, что расходы на науку в ВВП России будут увеличены с нынешнего 1% до уровня 2,5-4%, как это и наблюдается сегодня в ведущих странах мира.

Модернизация – это прежде всего кадры, человеческий капитал. В данной связи особое значение приобретает развитие инженерного образования (хотя бы для того, чтобы восполнить ущерб от эмиграции последних десятилетий), среднего технического образования (техникумы и колледжи), восстановление разваленной системы профессионально-технического обучения, подготовки рабочих высокой квалификации. И опять же все это – дело государства. Ни о какой серьезной модернизации не может быть и речи, если, к примеру, сварщиков для строительства новых подводных лодок в Северодвинске трудно искать чуть ли не по всей России.

Вспомнить о деревне

– А наши «аграрные дела» имеют отношение к модернизации?

– Еще бы! На это, кстати, академик Шмелев обратил внимание в отдельной главе своего доклада. Ни о каком модернизационном рынке не стоит и думать, пока так или иначе не будет улучшено нынешнее положение трагическое положение российской деревни. Исчезновение с карты страны десятков тысяч деревень, вывод из оборота 1/3 сельскохозяйственных угодий, пущенные под нож около 2/3 поголовья скота – преодолеть этот невероятный урон можно будет только в течение десятилетий. Но как? Могут ли плохо управляемые гигантские латифундии (в некоторых случаях – до 500 тысяч гектаров), владеющие сегодня, по некоторым оценкам, примерно 60% сельхозугодий страны, обеспечить радикальный модернизационный сдвиг в ее аграрном секторе? Или и дальше Россия будет зависеть на 50% своего сельскохозяйственного производства от различных многочисленных мелких и мельчайших «присусалбных хозяйств»? Или страна уже необратимо обречена все время полагаться на импорт продовольствия, который во многих городах, например, покрывает 40-70% потребительского рынка?

Это тоже один из самых важных вопросов будущей структурной политики модернизации страны. Как показывает мировой опыт, без прямой и, по сути дела, вне рыночной государственной поддержки сельское хозяйство ни Евросоюза, ни Соединенных Штатов, ни Канады, ни ряда других стран никогда бы не достигло того уровня развития, который наблюдается в них сейчас. Если все формы государственной поддержки (преимущественно субсидируемая государством ставка процента по кредитам) составляют сегодня в России около 1 миллиарда долларов в год, то в странах Запада в целом она достигает 1 миллиарда долларов в день. Рынок сам по себе, как мы это достаточно долго уже наблюдаем, не может остановить процесс запустения российской деревни. Использовать рыночные рычаги, конечно, необходимо, но все же главный императив для российского государства в этой сфере – прямое бюджетное финансирование нужд деревни.

Может быть, особенно в плодородных районах, все эти агрохолдинги, перекрашенные колхозы и совхозы, своего рода кластеры по техническому и бытовому обслуживанию агропроизводителей и смогут выжить еще достаточно долгое время. Возможно, нам суждено еще увидеть возрожденное помещичье хозяйство («прусский путь»). Однако представляется, что Россия неоправданно забросила те плодотворные идеи истинного «кооперативного движения», которые выдвигал еще А. Чаянов и которые получили такое широкое практическое распространение в странах Западной Европы. Главная фигура в сельском хозяйстве – фермер, работающий либо индивидуально, либо в составе компактного небольшого коллектива. А все заботы по техническому и ветеринарному обслуживанию, обеспечению семенами, сбыту продукции и кредитованию берут на себя кооперативные (пасевые) службы. Думается, от эффективного решения вечного российского вопроса о земле будет зависеть не только судьба модернизации экономики страны, но и, возможно, всего дальнейшего ее существования, по

крайней мере, такой, какой мы ее знаем и знали наши предки.

Слишком богатые и слишком бедные

– Что еще, по-вашему, отметил Николай Шмелев, чего сегодня, обсуждая проблему модернизации страны, не замечают другие?

– Думаю, это проблема социального климата. Очевидно, что цель провозглашенного курса на модернизацию – прежде всего разбудить творческую активность людей, расшевелить общество, возможно, даже дать стране нечто похожее на новую национальную идею, но построенную не на каких-то завиральных, а то и мессианских популовнениях, а на практических, жизненно важных потребностях каждого человека. Решение такой задачи, естественно, требует соответствующего социального климата. Оно невозможно без установления в стране всеобщей обстановки социальной справедливости, доверия населения к руководству государством и его институтам.

К сожалению, пока еще Россия является самой социально несправедливой страной из всех промышленно развитых государств. И без устранения этой ситуации было бы нереалистично рассчитывать на качественный рост энергии населения, на резкое увеличение общественной производительности труда.

Вряд ли где еще в цивилизованном мире наблюдается такой опасный, болезненный разрыв между доходами беднейших 10% населения и доходами 10% самых богатых: 1:25 официально и 1:60 неофициально. В мире давно уже утвердилось понимание того, что этот разрыв не может быть больше 1:5 – 1:6. Это и наблюдается сейчас в Европе, что гарантирует ей отсутствие революций, всеобщих забастовок, массовых протестных движений и т.д. Кроме того, российское население вполне отдаст себе отчет в том, что за все время после 1917 года и по сегодняшний день труд человека в стране всегда оценивался по самому минимальному минимуму: доля зарплаты в ВВП России никогда не поднималась выше 1/3, в других развитых странах она никогда не опускалась ниже 2/3.

Трудно оправдать также установившуюся в стране «плоскую шкалу» налогообложения: 13% своего дохода платит и самый низкооплачиваемый рабочий, и миллиардер. В ведущих странах Запада особо высокие доходы облагаются налогами около и выше 50%, а еще помнятся времена, когда они достигали кое-где и 80%. Одновременно российское население сталкивается с тенденцией, противоречащей всему мировому развитию: сокращением вне рыночных форм социальной поддержки людей, коммерциализацией здравоохранения и образования, ростом коммунальных и транспортных платежей в отрыве от роста зарплаты и пенсий и т.д. В развитом мире все происходит с точностью до наоборот.

Вряд ли, полагаясь только на рыночные силы и частное предпринимательство, Россия сможет решить и такие свои острейшие проблемы, как судьба 500 моногородов, где проживает до 25% населения страны, и тесно связанная с этим постоянная угроза серьезной безработицы. Частный капитал не может решить проблему моногородов, он может только дать им более или менее безболезненно умереть. Основная роль в спасении моногородов императивно сегодня принадлежит государству (естественно, с помощью отечественного и иностранного капитала), и уклониться от этой задачи оно никоим образом не может, ибо в моногородах сосредоточены лучшие интеллектуальные и высококвалифицированные силы страны, то есть ее будущее.

Обобщая вышесказанное, приходится констатировать – серьезной системной программы модернизации в России на сегодняшний день, к сожалению, не существует.

– Нет понимания или нет желания понимать, что нужно делать и как это выполнять?

– Модернизация – это прежде всего работа государства. Думаю, высшее политическое руководство страны и «понимает и хочет», а вот бюрократия к проведению модернизации России не готова. Она лишь произносит лозунги – не более того.

Беседовал
Александр ГУБАНОВ